

ВСТУПЛЕНИЕ

Я стремительно продвигаюсь по вымощенным брусчаткой улицам небольшого мексиканского городка XVI века с традиционным архитектурным ансамблем в виде церквей, площадей и каменных мостиков над извилистой речушкой, которая пересекает эту жемчужину. Это просто идеальная локация для съемок.

Сотни людей из массовки и съемочной группы вместе с актерами стоят на жаре и ждут моего решения: где, когда, как. Я — в самом сердце родины Эмилиано Сапаты, штата Морелос, в двух часах езды к югу от Мехико.

На одной улице я выстроил 150 мексиканских солдат в обмундировании сальвадорской армии образца примерно 1980 года. С другой улицы раздается нетерпеливое ржание и цокот о брусчатку копыт 70 лошадей. Их наездники были отобраны из лучших вакеро* штата. Эти всадники с лошадьми выступают в роли кавалерии повстанческих сил. Согласно моему замыслу, они пересекут

---

* От исп. слова *vaca* — «корова». Наездники, занимавшиеся выпасом скота на Пиренейском полуострове. В дальнейшем профессия под этим названием получила распространение и в Мексике. Вакеро — близкий аналог американского «ковбоя». — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. пер.*

мост и ринутся на главную площадь, где нанесут сокрушительный удар по осажденным правительственным силам. Вдоль линии атаки мы запланировали множество взрывов. Между повстанцами и армией — несколько десятков крестьян, мирных жителей. Их играют актеры массовки. По команде они разбегутся врассыпную.

Мои ведущие актеры, играющие журналистов, находятся как раз в самой гуще этой битвы, они будут наблюдать, как кавалерия мчится во весь опор по улице, прямо навстречу нашим камерам. Я останусь рядом с нашей сильно нервничающей звездой — исполнителем главной роли. Тот в полном ужасе от перспективы пострадать из-за сумасшедшего режиссера, который (по мнению актера) уже несколько раз ставил под угрозу его жизнь и которому он теперь особо не доверяет, поскольку уверен, что я неотесанный ветеран другой войны (во Вьетнаме), полагающий, что все актеры — нытики. Он, естественно, полностью поглощен мыслями о своем лице и предстоящих взрывах наших пиротехнических зарядов, любой из которых может обезобразить его внешность и свести на нет его карьеру.

Солнце в зените и уже припекает. Я готов крикнуть «Мотор!». В течение почти 15 лет я стремился снять подобный фильм, и сегодня моя мечта сбывается — мечта 6-летнего мальчика, сидящего под рождественской елкой среди игрушечных солдатиков и электропоездов, которые составляли мой мир. Я — создатель, во власти которого принять решение, кто погибнет, а кто останется в живых в этом моем рукотворном театре. Битвы, полные страстей, поступки, судьбоносные решения — именно это вызывало у меня в детстве такой восторг от кино.

И все же, как бы ни было увлекательно на несколько дней стать всемогущим вершителем судеб, над всем нашим

реквизитом, декорациями и людьми нависла угроза. У нас закончились деньги. Мы — где-то 50–60 иностранцев — застряли в Мексике и погрязли в долгах. Время заканчивается. Шесть недель назад мы начали съемки эпического фильма о событиях гражданской войны начала 1980-х годов в Сальвадоре. Это масштабное предприятие: 93 персонажа, говорящие на двух языках, около 50 локаций, танки, самолеты и вертолеты. Разделенные большими расстояниями, мы работаем в трех штатах. Помимо прочего, мы снимаем резню перед большим собором в Мехико (в фильме — Сан-Сальвадор), «эскадроны смерти», изнасилование и убийство монахинь, эту ужасающую сцену кавалерийской атаки — все это на невообразимый ни в каких фантазиях бюджет около \$3 млн! Мы явно были не в себе, когда взялись за это.

А теперь из Мехико прибывают какие-то финансисты, чтобы по факту отобрать у меня и продюсера контроль над фильмом, ведь мы явно превысили бюджет (на сколько — никто еще не знает). Съемки же еще должны продолжаться две недели. Порядок должен быть восстановлен. Люди из Лос-Анджелеса вызывают представителей компании-гаранта. (Брр! Одно их упоминание ужасает большинство продюсеров.) Последняя ручается за то, что фильм будет «завершен». Напрашивается аналогия со страховой компанией, которая оценивает, сколько человеку осталось жить. Несмотря на мое воодушевление в связи со съемками планируемого эпизода, меня гнетет мысль, что это может быть моя последняя подготовка к съемкам сцены для фильма, на который мы поставили так много и который мы, похоже, теряем.

«Начали!» Я ору так, чтобы меня было слышно на несколько кварталов. «Работаем!» Команды дублируются моими помощниками на испанском с помощью рупоров.

И затем слышится нарастающий цокот копыт об эту старую брусчатку — 280 металлических подков, по четыре на каждую лошадь. Всадники приближаются издалека, прямоком навстречу нашей съемочной группе. Я молюсь, чтобы никто не свалился со своей проклятой лошади на этих узеньких улочках; этого человека, вне всяких сомнений, затопчут насмерть.

«Приготовились!» Я снова кричу, без особой надобности, двум актерам-«журналистам» с их 35-мм пленочными фотоаппаратами, подготовившимися снимать атаку. Мой главный герой нервничает, но его напарник держится достойно и готов к съемкам. Первые всадники появляются из-за угла и с ревом устремляются к мосту, паля из винтовок и несясь во весь опор. Смелчаки. Первые лошади теперь пересекают мост, сбоку от них — ярко-красные отсветы взрыва. Два или три человека падают с лошадей на заранее размеченных точках и остаются невредимы. Конная лавина неудержима. Накал кавалерийской атаки — вот самое важное, и я знаю, что мы его запечатлели. Я ощущаю неистовство этого момента. Мощно получилось, реалистично.

Наконец, 70 лошадей преодолевают мост, и исполнитель главной роли кидается бежать. Может быть, немного рановато — всадники еще примерно в 45 метрах. Впрочем, кто бы не испугался? Похоже на гигантскую волну, которая обрушивается на корабль. Одного этого грохота достаточно, чтобы испугать даже самого отважного человека. А актер второго плана, замороженный всем этим великолепием, застыл от восторга, запечатлевая в памяти происходящее. Когда остается где-то 30 метров, я кричу ему, чтобы он бежал: «Убирайся оттуда!» Мой отважный оператор и я понимаем, что сейчас единственный момент, когда мы можем спастись. Мы отпрыгиваем с пути надвигающихся лошадей. Уходим!

Меньше 20 метров. Мой неустрашимый и проворный актер второго плана как раз вовремя укрывается в безопасном месте. Пронзительный момент. Уже записанных звука и дрожащей картинке будет достаточно для эффектной сцены в фильме. Обидно, что главный герой стартовал рановато, впрочем... тут и проявляется характер его персонажа. Не совсем голливудский типаж.

Я ору: «Снято!» Много сил уходит на то, чтобы вновь собрать лошадей и съемочную группу. Все пыхтят. Тяжело вздымаются бока лошадей. Члены съемочной группы громко обмениваются указаниями на испанском, уточняя многие моменты.

Лед тронулся, и я требую второй дубль. Процесс пошел. За следующие два часа мы еще четыре раза прогоняем атаку, снимая с различных ракурсов, как кавалерия наваливается на правительственные войска (которые по большей части состоят из мексиканских каскадеров). Ход битвы склоняется в пользу повстанцев.

Но лишь до того момента, пока — в фильме — посольство США, приведенное в состояние полной боевой готовности, по телефону не вмешивается в это ключевое сражение гражданской войны, разрешая поставки правительственным войскам новейших танков и оружия. Три танка, поддержка с воздуха, артиллерия обеспечивают достаточно огневой мощи, чтобы отбить наступление повстанцев и упрочить позиции правительства. Мы планируем снять это все за ближайшие два дня, чтобы успеть завершить съемки битвы до того, как нас оставят без спасительного финансирования. Я напрягаюсь, когда мой продюсер идет навстречу мне. На его лице написано извечное беспокойство. С присущей ему британской сдержанностью он сострил: «Надеюсь, я не слишком хмур?.. Мы получили миллион».

Вот это да! Жизнь продолжается. Можно вздохнуть. \$1 млн от мексиканского инвестиционного синдиката, с которым дружна его жена — мексиканка по происхождению. Они спасли наш фильм от компании-гаранта, два представителя которой теперь заявляются к нам: первый — олицетворение смертоносного Мрачного жнеца, второй — приветливый шотландец, похожий на агента налоговой службы. Они обходят съемочную площадку вдоль и поперек, пересчитывая все и вся. К счастью, какая-то важная шишка звонит им из Лос-Анджелеса и отзывает их.

Проблема возвращается на следующий день, когда в конечном счете деньги от мексиканцев не приходят вообще. Далее следуют десятки звонков и черед денежных переводов, которые отправляются из банка в Амстердаме в Лос-Анджелес, затем — в Мехико и, наконец, доходят до конечного адресата в этой цепочке — нас, в Тлаякапане. Мы получили немного денег (откуда — мне не вполне понятно), но к этому моменту я слишком устал и уже не уделяю этому особого внимания.

Мы продолжаем шаг за шагом снимать сцену битвы. Все, что для меня сейчас имеет значение, — это лишь то, что я вижу перед собой на экране монитора, — мне нужно закончить фильм. Я стольким рискнул. Сколько раз мне говорили, что я не справлюсь с режиссурой? Два фильма уже провалились. Скоро мне будет 40. Я пытаюсь снять свой собственный фильм с тех пор, как мне исполнилось 23 года. За прошедшие годы я написал более 20 киносценариев, но этот сценарий был особенным. Голливуд не поддержал меня либо из-за отсутствия веры в мои силы, либо из-за уверенности, что фильм про такое захолустье, как Сальвадор, и тем более фильм, проникнутый симпатией к революционерам, не вызовет интереса у американского зрителя. С точки зрения мэтров, к 40 годам я уже

выдохся. И я понимал: они меня списали. Своим скандальным характером я нажил себе слишком много врагов и сжег слишком много мостов.

Мы снимали вплоть до 42-го дня — утомительные 6-дневные рабочие недели. Мексиканцы, работающие в съемочной группе, неоднократно устраивали забастовки. И их не в чем упрекнуть. Деньги обычно запаздывали, съемки были хаотичными, на грани возможного. На 42-й день мы как можно быстрее и незаметнее покидаем Мексику, оставляя позади себя множество кредиторов и недополучивших деньги работников. В дальнейшем эти долги будут уплачены, сейчас же у нас есть фильм, отличный фильм, на мой взгляд. Но пока что это лишь сотни эпизодов, которые еще предстоит смонтировать. Я знал, что это сильная история. Я и мой друг-журналист, который прошел сквозь все это, написали сценарий вместе, но историю непременно нужно было довести до финала.

По возвращении в США нам еще потребуются средства для запланированных 8-дневных съемок в Сан-Франциско и Лас-Вегасе. Мы оставили начало и концовку фильма напоследок, полагая, что деньги для завершения и спасения фильма уж найдутся. Мы добыли последние несколько сотен тысяч долларов и едва успели снять наш последний ключевой кадр в знойной пустыне за пределами Лас-Вегаса в 19:42, как раз в тот момент, когда солнце скрылось за горами и свет ушел.

Отсюда — название моей книги: *«В погоне за светом»*. Кажется, я так и живу, гоняясь за светом.

Вот так в 1985 году создавался фильм «Сальвадор», вышедший на экраны в 1986-м. Это был мой первый настоящий фильм, который я сделал от начала и до конца без поддержки киностудии и без каких-либо договоренностей

по прокату. Эта лента была снята на чистой вере и при содействии двух напористых независимых продюсеров из Великобритании. Их можно было бы лучше всего охарактеризовать как азартных игроков или, если подобрать более возвышенное слово, как пиратов, которые хотят сорвать большой куш и готовы рискнуть оказаться на виселице.

Фильм получился шокирующе жестоким, невероятно чувственным, ярким и «чрезмерным» во всех отношениях. Однако, в ограниченном прокате и, в особенности, в тогда новом формате видео, он со временем обрел признание широкой аудитории, которой он нравился и которая обсуждала его. Был открыт «новый» кинематографист, человек, отрешившийся от своего прошлого «я». В результате мы получили две номинации на «Оскар»: за «Лучший оригинальный сценарий» и за «Лучшую мужскую роль» (исполненную как раз тем самым актером, который нервничал при виде кавалерийской атаки). С теми же азартными игроками у нас практически сразу же после завершения работы над «Сальвадором» появилась возможность сделать еще один кинопроект с небольшим бюджетом, но огромными амбициями, на этот раз погрузившись в гущу филиппинских джунглей. Этот проект многократно отвергали на протяжении 10 лет, однако его сюжет как нельзя лучше отвечал настроению американского общества в 1986 году, в разгар правления президента-консерватора. Этот фильм — «Взвод». США, да и весь мир вместе с ними, были готовы к этому суровому, реалистическому взгляду на кошмарную войну, свидетелем которой я был лично. Прямо как в сказке, этот малобюджетный фильм был выдвинут в один год с «Сальвадором» на «Оскар» и в марте 1987 года был неожиданно удостоен премии за «Лучший фильм», а я, что не менее поразительно, получил своего первого «Оскара» в номинации «Лучший режиссер».

Моя жизнь после этого уже никогда не могла быть такой же, как прежде. Я начал работать с настоящими киностудиями за реальные деньги. Меня ожидал новый этап карьеры с теми же взлетами и падениями, что и у большинства людей. Каждый фильм расширял мое видение мира. Фактически все они становились амортизаторами тех ударов, которые я получал десятилетия за десятилетиями напряженного и почти безумного существования в качестве американца. Некоторые из фильмов были успешными, некоторые — провальными. «Удаче и несчасть[ю]... в сущности, цена одна»*, — писал Редьярд Киплинг. Постоянное напряжение пребывания в беспощадном мире киноиндустрии, где человек человеку волк и где царит сплошная ориентация на зарабатывание денег, может оставить от любой доброй души одни лишь лохмотья. Фильмы даруют нам всё и забирают тоже всё.

Впрочем, эта книга — не об этом и не о тех поздних годах. Это история о том, как сделать мечту реальностью любой ценой, даже не имея денег. О том, как срезать углы, импровизировать, пробиваться, придумывать на скорую руку обходные варианты, чтобы снимать и показывать фильмы. О незнании, когда будет следующая зарплата... или следующий муссон, или следующий укус скорпиона. О том, как не принимать отказ в качестве финального ответа. О том, как умопомрачительно врать, в поту и слезах вырывать желаемое, выживать. Повествование охватывает время от моего волшебного детства в Нью-Йорке до войны во Вьетнаме, а равно описывает и мои трудности с возвращением к жизни после войны и заканчивается на создании «Взвода», когда мне уже исполнилось 40 лет. Это история о взрослении. О поражениях и потере уверенности,

---

* Цитата из стихотворения «Если...». Пер. С. Маршака.

а равно и ранних успехах и высокомерии. О наркотиках и том времени, когда мы жили политикой и социальными проблемами. О воображении и фантазиях о том, чего мы хотим, и о действиях по претворению желаний в жизнь. Конечно же, повествование переполнено рассказами о вранье и предательстве, жуликах и героях, людях, которые одним своим присутствием приносят вам благо, и людях, которые уничтожат вас, если вы им позволите.

Истина заключается в следующем: как бы я ни был удовлетворен поздней частью моей жизни, я не думаю, что когда-либо испытывал больший восторг и получал такой адреналин, как в периоды, когда у меня не было денег вообще. Один друг из низших слоев британского общества как-то сказал мне: «Единственное, что нельзя купить за деньги, — это бедность». Возможно, что на самом деле он имел в виду «счастье». Смысл в следующем — деньги дают вам неоправданные преимущества, без которых, нравится вам это или нет, вы становитесь более человечными. В каком-то смысле это напоминает время, когда ты служишь в пехоте и неспособен видеть дальше своего носа, и поэтому воспринимаешь с признательностью все, что тебе дает мир, будь то душ с горячей водой или горячая пища.

Многие говорят мне, что время — самое ценное, чем мы обладаем. Я не уверен, что я согласен с этим, поскольку ни один сюжет не развивается линейно. Проходя нашу жизнь от молодости к старости, мы в реальности живем вне времени. Есть определенно заурядные моменты, а есть яркие мгновения, которые ваше сознание сохраняет навсегда. Последние могут быть хорошими и ужасающими, но именно они незабываемы. По крайней мере для меня путешествие от колыбели к могиле представляется слишком долгим. Слишком много всего происходит. Слишком